

Глава 7. Чёрный лист берёзы.

Который день дождь и дождь. Небо, ещё недавно такое высокое, теперь тяжело лежит на вершинах деревьев намокшим грязным одеялом.

Натянув на плечи свой элегантный московский плащик, с непокрытой головой, Саргылана сбежала со школьных ступеней прямо в дождь и, не обходя луж, побрела улицей.

Минул ещё один школьный день — безрадостный, зря прожитый. Как гордо стояла она на торжественной линейке — педагог среди педагогов! Но вот большой школьный корабль спокойно тронулся в путь, каждый занял своё место, а что она? У неё всё хуже и хуже.

Борис Куличиков ужас что натворил в тетради. «Да неужели ты не запомнил ничего? Ведь только что прошли!» Только что? Теперь и мальчик изумился: он ничего не помнил, ничегошеньки. Она долбила им, казалось, сама себя превзошла в терпеливости. Всё бесполезно, вылетело словно в форточку. В том же классе на днях Тима Денисов спросил: «Саргылана Тарасовна, а почему мы в пятом классе учили интересные стихи, а в этом году такие скучные?» Действительно, почему?

Все посмеиваются: «Начинать без мук — значит обкрадывать свою биографию». Завуч посидел у неё на уроке и сделал заключение — слишком мягкое обращение с классом! Враки! Ей противопоказано заниматься педагогикой, как другим медициной или парашютным спортом. Недаром говорят, что бездарный учитель — враг, от него вреда больше, чем от детской эпидемии.

Она всё шагала по лужам. Деревня кончилась, началось огороженное жердями картофельное поле, всё перерытое, в пожухлых стеблях. Дождь, на минуту притихший, зарядил с новой силой. Пришлось свернуть под защиту ближней берёзы.

Кичливые её слова, брошенные отцу: «Еду в село учительницей» — теперь вспоминались ей в таком жалком свете! Учительница... Бездарь безнадежная!

Опёршись о мокрый ствол, не в силах сдержаться, она заревела в голос. Но слёзы не принесли облегчения. Стало ещё обидней за себя, такую неудачливую, всеми брошенную. Они были щедры на приветствия и посулы, но разве кто-нибудь хоть пальцем шевельнул, чтобы помочь ей в несчастье? Почему ни у кого не хватило честности сказать ей: остановись! Нет, они улыбались ей в лицо.

Вдалбливали в пединституте, какой там храм сжёг Герострат и что сказал Песталоцци. Но никто не объяснил, почему для Тимы Денисова стихи могут стать скучными? А этот Тимир Иванович, с его постной физиономией: «Наладьте дисциплину, придерживайтесь методик». Она ли не просиживает ночи над проклятыми методиками!

Но больше всех, конечно, виноват отец. Это он воспитал её посмешищем для людей. Притворяется любящим, пишет: «Ланочка, если тебе будет трудно на селе, бросай всё и возвращайся в Якутск — хорошее местечко ждёт тебя». Уверен, что она не выдержит, давно приготовил «местечко». Слово-то какое отвратительное.

Плети дождя сбивали с берёзы последние листья, они проносились мимо — чёрные, разбухшие. Чёрные! Не зелёные, не золотисто-жёлтые, какие всю жизнь ей показывали в кино, на любимых полотнах, на нежном фарфоре. Оказывается, листья-то у берёзы чёрные...

Саргылана в отчаянии потрясла берёзу, мёртвая листва облепила ей лицо.

Опустела школа, только из десятого всё ещё доносился шум, слышен был резкий тенорок Нахова, кажется, он даже палкой постукивал по столу.

Набравшись терпения, Аласов листал старые брошюры. В какой-то миг, словно под пристальным взглядом, он вскинул голову и увидел в окне Майю.

Она стояла в глубине садика с запрокинутым лицом и протянутыми вперёд руками: две девочки наперегонки бежали к учительнице. Да, она любит детей, эта женщина, не знавшая материнства...

Собирает на занятие своих юннатов. Как недавно изящно выразилась местная газета, «преподавательница биологии М.И. Унарлова отдаёт весь жар души»... Хотя оно и правда, едва ли где ещё в условиях вечной мерзлоты можно встретить такую коллекцию, как в пришкольном саду у Майи: малина, земляника, ежевика, смородина, стелющиеся яблони... Майин сад. Живая душа её.

Сейчас сад был по-осеннему жёлт, и в этой желтизне отчётливо рисовалась фигура женщины в чёрном плаще. Невидимый сам, он мог разглядывать её сколько угодно, но Аласов силой заставил себя отвернуться от окна. Если человек однажды сказал себе: «Всё!», то обязан поступать, как сказал.

В коридоре загрохотало, вал ребячьих голосов докатился до учительской. Нахов так резко захлопнул дверь за собой, будто ушёл от преследователей.

— Ох-ох... — грохнул он, тяжело отдуваясь. — Едва не растерзали дорогого своего учителя башибузуки. И знаете из-за чего? — Нахов явно обрадовался, что в учительской есть с кем перемолвиться. — Не представите! Из-за образа парторга Толбонова! — Назвал известную книжку. — Было бы из-за чего рога ломать! Скажу, по секрету, образ этот — весьма откровенная книжная липа, ни живой кровинки. Но я учитель как-никак, обязан воспитывать уважение к литературе... Я и покриви душой, — мол, хоть сам по себе Толбонов и не удался, но его роль в произведении... и тому подобное. Тут они меня и взяли в оборот! Разве такой пустозвон, кричат, достоин называться парторгом? Вот,

друг мой Аласов, какой строгий народ у нас растёт. Даже за такой, в общем, малый грех, как пустозвонство...

— Ну, положим, пустозвонство не малый грех, — улыбнулся Аласов.

— Вы так думаете? — Нахов посмотрел на него серьёзно — куда серьёзней, чем того требовал их разговор. — Думаете, Толбонова надо было критиковать?

Но Аласов не стал углубляться в литературную проблему.

— Василий Егорович, — сказал он. — Есть у меня к вам серьёзный разговор. Как раз насчёт десятого.

— Ну, пожалуйста.

Нахов тростью доетал с вешалки фуражку и положил её на колени, как бы говоря — побеседовать можно, но на долгие разговоры не рассчитывайте.

— Мне, Василий Егорович, хотелось бы узнать поподробней историю класса...

— Так это к завучу или к директору.

— Помогите как товарищу. Меня ведь не просто летопись интересует, вы понимаете. Не сочтите за лесть, Василий Егорович, но мне думается, что только ваши уроки в этом классе и проходят с полной отдачей.

— Вы уверены, что с полной? Не знаю, не знаю... Есть на этот счёт и другое мнение. Почему, говорят мне, на твоих уроках только и слышишь споры да дебаты — у нас школа или дискуссионный клуб? А между прочим, ещё с древности известно, что спор — не обязательно ругачка да смута. В споре — истина, в споре мировоззрение оттачивается, приходит умение ясно выражать мысль! Знает это всякий, да мало знать. Впрочем, что же я... Вам ведь надо о десятом... Только от меня вам помощи будет немного. Голый практик, рублю сплеча. Ещё куда ни шло, могу вам факты... А вы уж сами их осмыслите.

За окном в саду промелькнули головы, донеслись голоса. Аласов отвернулся, чтобы не смотреть туда.

Нахов полулежал на диване, выставив вперёд ногу с протезом, — нескладный, большеголовый человек, очень усталый. Виски густо посеребрены. Едва ли он намного старше Аласова, а уже живот. Из-за протеза, надо думать, мало двигается. Протянул Аласову портсигар.

— Не курите? Ну, и правильно, не курите. Я уже взрослым мужиком на фронте выучился. С тех пор каждую неделю бросаю. Да... Так вот вам история. Класс был как класс: успеваемость прочная, на производственной практике завоёвывает вымпел. И вдруг — этот случай. Прямо сказать, гнусный...

Нахов провёл рукой по ёжику на голове, прикурил от одной папиросы другую.

— Была у нас некая особа, Клеопатрой Ксенофоновной звали. Тоже вроде вас приехала, новенькая...

«Экая у него дурацкая привычка — кусаться без всякой нужды», — подумал Аласов.

— Завуч её любит, жена завуча, мадам Пестрякова, в душевные подруги принимает. Как уж там она преподавала свою физику, эта Клеопатра, не скажу. Но человек — дрянь. Раскрашена, разговоры ведёт — уши вянут... В один прекрасный день — шум, крик, руки заломлены, слёзы потоком: «У меня в классе украли десять рублей». Свои тетради она оставила на столе, а в одной тетради червонец был. Этого червонца и не стало. «Учащиеся грабят своих учителей!»

Отправляются трое — завуч, классовод Пестрякова и пострадавшая. Левин, старик наш, попытался их усовестить, но где там!

У меня свой урок. Задал я ребятам разбирать рассказ по книжке, а сам выхожу в коридор — не сидится на месте, душа ноет. За дверью девятого вроде бы тихо — слышно, как Тимир Иванович что-то бубнит... Но вдруг открывается дверь, и вылетает в коридор парнишка, Макар Жерготов. Схватил пальтецо с вешалки и вон из школы. Вскоре ещё несколько ребят, и все почему-то держат раскрытые сумки. Тут меня как обухом: обыскивают! Тимир Иванович выскакивает следом: «Куда пошли, урок начинается!» А мальчишки ему: «Ворам учиться ни к чему!» Все ушли, ни один не остался.

— А вы-то! Стоять в стороне и не крикнуть... — возмутился Аласов, забыв про обидчивость собеседника.

Но тот не обиделся, только исподлобья, очень внимательно, поглядел на Аласова.

— Вы что, действительно об этой истории ничего не знаете?

— Да откуда мне!

— Гм... Может, вам и простительно. Почему я не крикнул, говорите? В этой школе нет никого, кто кричал бы громче меня. Едва до суда не докатился. Не чаял, да вдруг в этой истории главным её персонажем стал. Закричал я громко, когда увидел обыск, — прямо-таки внутри зашлось. Влетел в девятый, что уж я наговорил этим обывателям, потом и вспомнить не мог. Но если верить акту, который они передали в прокуратуру, так я и выражался нецензурно, и оскорблял, и даже пытался учинить физическую расправу. К акту червонец пришилили, вещественное доказательство. Нашлась на тот случай у меня в кармане десятирублёвая бумажка, я её в физиономию Клеопатре швырнул.

— А прокурор что?

— Да ничего, прокурор... Выговором в приказе отделался. После мне дважды предлагали перевод в соседний район. Ну, уж нет, с Наховым у них ничего не выйдет. Оставить ребят в руках Пестряковых? Вот им... — Нахов сложил кукиш и повертел им перед лицом Аласова. — Понятно?

— Понятно.

— Не оставлю ребят! — повторил Нахов с такой категоричностью, будто именно Аласов отсылал его в соседний район. — Вас тут много любителей философии. А до драки доходит — все философы в кустах. Назавтра я всех учителей обошёл: нельзя же было оставлять это дело, в нашей школе детей обыскивают! Думаете, поддержали меня? «С одной стороны, с другой стороны...» С одной стороны, я вроде бы прав, что возмущаюсь обыском, но, с другой стороны, не имел права замахиваться палкой...

— Потихоньку спустили на тормозах, вроде ничего такого и не было. Клеопатра уволилась скорехонько, до конца года не дотянула. А между прочим, домработница её, простая душа, проговорила потом: червонец-то в другом месте нашёлся. С мужем, доктором своим, Клеопатра всю ночь проскандалила. Он ей: «Откройся, как было, попроси прощения», а она: «Ты что, позора моего хочешь?» И пошла себе Клеопатра дальше следить по школам, как навозная муха по стеклу. А ведь в школе сволочь с дипломом — это, знаете ли, страшно. Мальчишки первые дни ждали, надеялись, что кто-то их защитит, разберётся в несправедливости. Ведь им в школе день и ночь внушают: в нашем обществе правда непременно восторжествует. Нет, на сей раз не восторжествовала. К нашему великому стыду и позору! Думаете, они не узнали, о чём проболталась домработница? Думаете, возня вокруг Нахова осталась тайной для них? А Макар Жерготов, который первый крикнул: «Нет у вас права школьников обыскивать», — тот и вовсе исчез из школы. Заболел, отстал, якобы сами родители настояли, чтобы парень шёл работать, в райцентре в какой-то сапожной артели ему место нашли, а учиться в вечерней... Способный малый был, в отличниках ходил. Получается: сказал человек правду и пострадал за неё. Для класса это как рыбья кость в горле. Саднит, не забудешь о ней. Ждали справедливости и дождались. Тогда и начали бороться за правду сами, пошла «холодная война» с учителями. На старое напласталось новое, как снежный ком с горы. Пестрякова вскоре отказалась от классоводства, поставили Кылбанова. И тот полетел. Понимаете теперь, коллега, в какую вы кашу попали? Человек новый, да шишки в вас будут лететь старые, хорошо вызревшие! — в голосе Нахова прозвучала злорадная нотка. — А меня уважают — тут ничего удивительного, на сегодняшний день я единственный из учителей, кто по их сторону баррикад. Держу с ними оборону против Пестрякова и иже с ним!

— Против Пестрякова и иже... — в задумчивости повторил Аласов. — Против Пестрякова... опытного педагога, заслуженного учителя республики...

Нахова словно стёганули.

— Заслуженного! Республики! Как вас прикажете понимать? Моська лает на слона?

— Да нет, не об этом я...

— Впрочем, мне наплевать, о чём вы. Извините, нет времени вникать. Вы меня спросили — я вам откровенно рассказал. А уж верите или не верите — ваше дело... Только одно замечу — не обольщайтесь званиями. Будьте здоровы!

Нахов рывком, забыв о своей ноге, попытался встать, но тут же со стоном повалился на диван. Побледневшее лицо его несколько минут оставалось неподвижным, затем стало розоветь. Нахов вздохнул, наотмашь отёр лоб:

— Отпускает вроде...

Достал из кармана пузырёк, добыл пилюлю, бросил в рот.

— Плох становлюсь. Помоложе был, не замечал протеза. А теперь слабну. Хоть в архив сдавай Нахова. Чтобы перестал наконец путаться в ногах у заслуженных...

Аласов, будто сам испытывая его боль, помог Нахову встать, подал упавшую палку.

— Где вас так, Василий Егорович?

— Ногу-то? Западная Украина, февраль сорок четвёртого. Какая-то деревушка, и названия не запомнил...

— Западная Украина, сорок четвёртый? Я же там воевал. Маршал Конев?

— Нет, у нас Жуков. Выходит, соседями были... — снова потеплел Нахов. Но характер его и тут сказался: — Впрочем, кто не воевал. Вон даже Сосин... Теперь добывает из этого большие и малые выгоды.

Они шли молча. Солнце прощально рдело на закате. В школьном саду уже никого не было, лопаты и грабли были аккуратно составлены у заборчика. Ушла.

Искоса поглядывая на спутника, Аласов подумал: «Наверно, клянёт себя за откровенность. Идём вот рядом, два воина, но тебя-то Нахов в своём строю не числит. Один он мученик за правду: держу оборону против всех! А между тем далеко ты не праведник, дорогой Василий Егорович, с твоим-то неуживчивым характером, с неистребимым стремлением во что бы то ни стало уесть ближнего! Недаром в учительской боятся твоей страсти превращать каждую невинную фразу в спор. Только и ищешь случая высказать свою «правду в глаза». Такой непростой характер...»

И словно в подтверждение, Нахов за школьной калиткой вдруг повернул в свою сторону — не пожав руки, не сказав ни слова. Пошёл, тяжело выбрасывая ногу с протезом.

Потом он всё же остановился, оглянулся:

— Взвешивать да вымерять по миллиметрам — не моё дело. Я солдат, знаете ли... Буду стоять насмерть — пока не рухну. А порох ещё есть у Нахова, если поскрести хорошенько. И ещё кое-кому от него икнется, будьте уверены!

Угрожающе потряс палкой и зашагал, уже не оглядываясь. Весь тут человек — неистребимый солдат Василий Нахов.